

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И ДЕРЕГУЛЯЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ¹

Доминирующей моделью интерпретации миграционных процессов, в том числе международных, с недавних пор (особенно после 11 сентября 2001 г.) стала предложенная Самюэлем Хантингтоном концепция «столкновения цивилизаций» (Bade and Bommes 1996). Миграция, культура и этничность оказались взаимосвязанными, а порождаемый миграцией конфликт начал рассматриваться как следствие увеличения числа культур внутри одной страны. Германия, Великобритания, Нидерланды и Швейцария описываются теперь как мультикультурные общества, им рекомендуется уделять больше внимания этому «факту». Данный подход дополняется представлением о толерантности как единственно возможном способе сосуществования культур (Leggewie 1990).

Концепцию Хантингтона можно рассматривать как самостоятельный, но явно не бесспорный подход к пониманию современных процессов глобализации. Впрочем, не менее проблематичны представления исследователей, рассматривающих «транснациональную миграцию» как основу процессов глобализации (Faist 2000, Glick Schiller / Basch / Blanc-Szanton 1995, Hannerz 1996, Pries 1997, 2001, Portes 1995, 1996, Vertovec / Cohen 1999) и игнорирующих при этом связь глобализации и мультикультурного общества. Формирование простирающихся за пределы государственных границ сетей мигрантов рассматривается «транснационалистами» как показатель утраты значимости и даже суверенитета национального государства. «Мультикультурализм» рассматривается ими исключительно как проблема национальных государств, как вызов, брошенный их усилиям добиться культурной гомогенизации своего населения (Gellner 1988). «Транснационалисты» утверждают, что глобализация, связанная с постепенной утратой значения национальных государств, снимает с повестки дня и проблему мультикультурализма. Мне, однако, эти утверждения представляются преждевременными и необубедительными (Bommes 2002).

В этой статье я подвергаю критике аргументы мультикультурализма и транснационализма и прихожу к выводу о том, что считающиеся «мультикультурными» и «транснациональными» социальные последствия миграции нужно интерпретировать как показатели ослабевшей способности национальных социальных государств к выполнению функции социального включения. Здесь я использую тезис Йопке, который утверждает, что европейские национальные государства к концу XX в. отказались от программы национальной гомогенизации. В этих странах национальная этническая принадлежность утратила значительную часть своей политической и юридической значимости. Произошло это как в результате послевоенной иммиграции, так и вследствие процессов социальной дифференциации. В итоге можно наблюдать «дерегуляцию» коллективных форм социальной идентичности (Joppke 2001, Therborn 1995). Я дополняю его точку зрения утверждением, что размывание коллективных форм идентичности облегчает существование национальных государств. Они больше не должны фокусировать свою политику на отношениях общности, опирающейся на идею национальной солидарности и равенства. Изменения правил формирования коллективных форм социальной идентичности означает также и изменение отношений между государствами и их гражданами. Этот аргумент, однако, не подразумевает каких-либо выводов ни относительно кризиса национальных государств, ни относительно угрозы национальным государствам со стороны мультикультурализма и транснационализма.

I

Как мультикультуралисты, так и транснационалисты стремятся, хотя и по-разному, показать эрозию центральных элементов национального государства. В концепции мультикультурализма подчеркивается растущая вследствие миграции гетерогенность населения, что ставит под вопрос традиционную программу национального государства: формирование и/или воспроизводство на своей территории культурной однородности. Транснационализм акцентирует внимание на стабильных социальных структурах и связях, вырастающих из миграционных потоков и выходящих за пределы границ национальных государств. Именно в этом смысле социальные структуры миграции являются транснациональными. В концепции транснационализма подчеркивается изменение ориентации мигрантов. Опираясь на транснациональные

¹ Посвящается Janka Quell – источнику вдохновения не только в силу ее имени (Quell с немецкого – «источник»). – Прим. пер.). Статья представляет собой переработанную версию доклада, представленного на конференции «Power and Democracy in Multicultural Societies» (Rosendal, Норвегия, май 2001 г.).

структуры социальных возможностей, они перестают быть привязаны к определенному государству. В результате этого национальное государство больше не выполняет своей классической задачи – «социальной интеграции».

Для теоретической интерпретации социальных процессов, описываемых концепциями мультикультурализма и транснационализма, полезно показать их исторический контекст. С окончания второй мировой войны вплоть до конца 1980-х гг. высокому показателю миграционных движений в европейские страны, а также в США, Канаду и Австралию соответствовал высокий уровень социальной интеграции мигрантов (Hollifield 1992, Soysal 1994 и др.). Первоначально интеграция мигрантов протекала как бы сама собой, была политически непреднамеренной. Хаммер, замечательно описавший феномен интеграции первой волны мигрантов, утверждает, что, несмотря на отсутствие специальных политических решений, большинство мигрантов были включены в систему индивидуальных, социальных и в некоторой мере даже политических прав в масштабах, которые ранее считались привилегией граждан (Hammar, 1989, 1994), хотя подобный процесс включения в общество не означал культурной ассимиляции и получения статуса гражданина. В результате мигранты стали, пользуясь языковым нововведением Хаммера, «иножителями»²: они полностью вошли в социальные системы принимающего общества, но сохранили как правовой статус иностранца, так и отличную от доминирующей культуру. Между тем фактическое присутствие иммигрантов из разной культурной среды и соответствующая этому множественность культур до начала 1990-х гг. не повлекли за собой разработки мультикультурализма как политической программы. Иначе говоря, культурные различия, этнические и национальные смыслы, приписываемые им, не превращались в доминирующий механизм распределения социальных позиций и прав. «Культура» и «этничность» не были социальными механизмами формирования меньшинств³. Укрепившиеся после второй мировой войны социальные государства (по крайней мере в Европе, Канаде и Австралии) обладали достаточными возможностями для того, чтобы предоставить мигрантам шансы на участие в общественной жизни вне зависимости от их этнической или национальной принадлежности.

Ситуация изменилась после 1989 г. С одной стороны, новых решений в миграционной политике требовала новая миграционная ситуация: наплыв беженцев, прибытие трудовых мигрантов и таких категорий этнических мигрантов, как «евреи» и «этнические немцы» из Восточной Европы, рост этнических и национальных конфликтов в бывших социалистических странах (особенно в Югославии). С другой стороны, процессы глобализации и европейской интеграции, которые больше нельзя было игнорировать, заметно сузили возможности национальных социальных государств контролировать многие политические, экономические и правовые процессы. Что же именно изменилось в этот период в области миграции, и каким образом социальные государства реагировали на эти изменения? Можно ли утверждать, что фундаментальные изменения произошли именно так, как они описываются сторонниками концепций транснационализма и мультикультурализма? Прежде чем обратиться к этим вопросам, необходимо коротко описать роль национального социального государства в политическом регулировании миграции.

II

Современное национальное государство характеризуется суверенитетом. Удерживая монополию на легитимное насилие, государство обладает правом и возможностями контроля над своей территорией и действиями своих граждан. Как показано Сваан, суверенитет связан с превращением национального государства в государство благосостояния (Swaan, 1988). Открывая возможности участия в системах экономики, права, здравоохранения, образования, национальное государство создало условия для того, чтобы бывшие подданные стали политически активными гражданами. Включение граждан в политическую систему оправдывает государственную монополию на насилие на своей территории. На фоне такой легитимации прежнюю роль «полиция» государство отодвигает на задний план. В центр политики становится регулирование социальных отношений, возникающих из конфликта между политической гарантией равноправного доступа к социальным системам, с одной стороны, и эмпирической реальностью социального исключения – с другой. Этот переход государств от силового к социальному регулированию стал центральным поворотным пунктом в истории современных обществ.

² Понятием «Denizens» автор ставшей центральной в дискуссии о гражданстве, национальном государстве и миграции статьи хотел подчеркнуть отличие современного социального статуса мигрантов от классического статуса «Citizen». В отличие от понятия «гражданин», подразумевающего как правовое полноправие владельца статуса, так и его принадлежность к автохтонной культуре, понятие «иножитель» подчеркивает укорененность мигрантов в странах приема, сопровождающуюся отсутствием гражданства и культурной принадлежности «большинству».

³ О США и Германии см. Santel, Hollifield 1998, об Австралии – Castels 1996, 1998, сравнение США, Германии и Франции – Hollifield 1992, о Германии – Bommes 1995.

Главным условием успеха или неудачи в современных обществах является доступ к ролям в различных организациях и связанным с ними ресурсам⁴. Например, найти работу означает предложить организации умения и специфические услуги в обмен на зарплату и другие формы вознаграждения. Организации самыми разными способами опосредуют участие индивидов в экономике, праве, здравоохранении или образовании (Bommes and Taske 2001). Фирмы, администрация, больницы, суды и университеты вовлекают индивидов в свою работу, оговаривая формальные условия их участия. Они опираются на формальное определение членства, которое проводит грань между участвующими и не участвующими в системе. Принимая индивидов в качестве своих членов, организации ставят условия и распределяют шансы на включение/исключение в центральные социальные сферы. Рекрутирование персонала, распределение позиций и регулирование карьеры в организациях оказываются связанными с распределением денег, репутации и влияния или, говоря словами Бурдьё, – экономического, культурного и социального капиталов. Таким образом, членство в организациях открывает индивидам различные шансы для получения услуг и ресурсов в роли потребителей, пациентов, клиентов, учеников, избирателей и т.д. (Bommes 2001).

Политика социального государства, направленная на повышение индивидуальных шансов социального участия, фокусируется как раз на контроле над справедливым распределением позиций и привилегий в организациях. Ее цель – добиться членства в основных организациях сфер экономики, образования, здравоохранения, политики и семьи для всех граждан⁵. Социальное государство исторически стало посредником, который пытался, с одной стороны, устранить барьеры, а с другой – предоставить ресурсы доступа к ролям в организациях, например такие, как образование и деньги. Эта предоставляемая национальным государством социальная поддержка с момента своего возникновения была привязана к понятиям «народ», «нация», которые были вписаны в основания гражданского статуса.

III

Граждане в первую очередь ожидают от социального государства, обещающего им обеспечение равноправного доступа к социальному участию, особой заботы. На фоне этого ожидания выглядит по меньшей мере парадоксальной такая ситуация, к примеру, при которой иностранцы и иммигранты рекрутируются трудовыми организациями в условиях, когда работы не имеют большие группы граждан. Неспособность государства справиться с подобными ситуациями возникает при сокращении политических и финансовых возможностей социального государства, а также при малой эффективности инструментов контроля над миграционными процессами. Глобализация в сочетании с развитием систем наднационального управления⁶ вызвала эрозию принципа суверенного контроля национального социального государства над доступом к территории и тем самым поставила под угрозу его способность обеспечить доступ граждан к социальному участию⁷.

Германия, Нидерланды, Великобритания и Франция реагировали на частичную утерю территориального контроля диверсификацией и спецификацией своих иммиграционных правил. Прежде всего, они дифференцировали правовые категории мигрантов, ужесточили правила выдачи видов на жительство и предоставления социальных благ, параллельно конструируя барьеры на пути доступа к получению гражданства. Одним из результатов дифференцированного подхода социальных государств к мигрантам стало разделение их на группы. Стоит напомнить, что иммиграция имеет много форм: постколониальные, этнические, трудовые, семейные, контрактные и нелегальные мигранты, беженцы и т.д. Эти статусные позиции обуславливают разные возможности мигрантов. Проиллюстрируем этот тезис анализом шести различных категорий мигрантов в Германии.

⁴ Подразумевается, что любые социальные отношения в современных обществах регулируются организациями. Трудовые отношения регулируются на предприятиях и в профсоюзах; досуг – телевидением, организациями культуры и отдыха; здоровье – медицинскими организациями; участие в политике – партиями и неправительственными организациями. Больше практически не существует таких социальных связей, которые находятся за рамками организационных форм. Даже семья и интимные отношения стали в XX в. объектом организационного регулирования и контроля.

⁵ Минимальное социальное государство рассматривает защиту участия в организациях и его конвертируемости в капиталы только в ограниченном смысле как свою политическую задачу. Социальное же государство «консервативного» типа стремится к поддержанию высоких жизненных стандартов (см. Esping-Anderson 1990). О «южной модели социального государства в Европе» см. Ferrera 1996.

⁶ Например, Европейский Союз.

⁷ О дискуссии по перспективам разных социальных государств см. в Esping-Anderson 1996.

- *Этнические немцы* могли переезжать в Федеративную Республику в силу исторических причин и рассматривались именно как немцы⁸. Воссоединение Германии в 1990 г. положило конец статусу «незавершенной нации» и символизировало единство нации и территории. Категория «этнических немцев» сохранила весьма привилегированный статус, но была практически закрыта. Теперь получить этот статус мог лишь человек, родившийся до 1993 г. Это изменение можно рассматривать как часть процесса реструктурирования германской концепции гражданства. В 1990, 1993 и 1999 гг. были внесены поправки в законы об иностранцах и гражданстве, что открыло доступ к германскому гражданству для гастарбайтеров и их детей. В этих условиях ограничение в предоставлении легального статуса «этническим немцам» можно интерпретировать как показатель усиления территориального принципа предоставления гражданства при одновременном ослаблении традиции *jus sanguinis* (*право крови*. – Пер.) (Vommes 2000).
- *Трудовые мигранты и их семьи*. Гастарбайтеры стали клиентами социального государства и его программ социальной интеграции, несмотря на то, что их положение на рынке труда все еще связано с высоким риском бедности и исключения (Geißler 1996). Одним из последствий необратимого процесса «оседания» иммигрантов и их включения в социальные программы стало облегчение для них процесса натурализации в 1990 г.
- *Семейная миграция* может регулироваться политическими средствами, но избежать ее невозможно в силу существующих в рамках национальных и международных правовых гарантий о соблюдении и охране неприкосновенности семьи. Эти гарантии обеспечивают защиту только нуклеарным семьям и предполагают, что каждый индивид имеет право создавать семью и не быть оторванным от нее. В результате обеспечивается право индивидуальных мигрантов вовлекать в географическую мобильность и членов семьи. В свою очередь мигранты, приезжая в страну как члены семьи, увеличивают свои шансы на социальное включение. Миграционная политика пытается ограничивать и контролировать семейную миграцию⁹, однако в таких странах, как Германия, она сталкивается с конституционной защитой семьи.
- Реагируя на растущую во всем мире миграцию *беженцев*, европейские социальные государства с начала 1980-х гг. ограничили доступ к статусу ищущего убежища и беженца, а также ограничили их право на получение вида на жительство (Opitz 1997). Попытки гармонизировать политику предоставления убежища на уровне ЕС посредством Шенгенского соглашения и Дублинской конвенции привели к введению строгих визовых требований для мигрантов из большинства стран, не являющихся членами Союза, и к применению санкций в отношении международного транспорта, умышленно или неумышленно перевозящего «нежелательных» мигрантов. Эти меры позволили членам ЕС вновь установить контроль над доступом к своей территории (Joppke 1997). С начала 1990-х гг. численность беженцев снизилась. Это было достигнуто благодаря тому, что теперь любым иммигрантам – как беженцам, так и экономическим мигрантам – стало очень сложно попасть на территорию стран – членов ЕС. Существуют способы, с помощью которых богатые социальные государства типа Германии обходят национальные и международные законы о беженцах. Разнообразные схемы расселения и ограничения возможностей передвижения по территории ведут к тому, что либо мигранты, стремящиеся получить статус беженцев, не имеют доступа на рынок труда, либо этот доступ очень ограничен. В то же время до минимума сокращена медицинская и социальная помощь. Социальное государство, таким образом, с одной стороны, уменьшает права на социальное участие беженцев до уровня, мешающего процессу административного управления ими, с другой, создавая препятствия для нормальной жизни, подчеркивает временный характер их пребывания (Bank 2000).
- Одной из особенностей *сезонной и контрактной миграции* является ее высоко организованный и регулируемый характер. Эти категории мигрантов строго ограничены в праве на жительство, они не включаются в государственные социальные программы. Такая регуляция направлена на использование трудовой миграции в качестве гибкого инструмента политики на рынке труда и препятствует превращению этого типа работников в «невозвращенцев» наподобие прежних «гастарбайтеров», получивших социальные права и оставшихся жить на новом месте. Социальное государство поддерживает то, что можно назвать порогом неравенства. Оно устанавливает барьеры, ограничивающие доступ различных категорий мигрантов к ресурсам системы социального страхования, одновременно активно привлекая

⁸ Подробно об исторических причинах смотри статью Т. Бараулиной в этом сборнике

⁹ Недавно принятый в Германии закон об иммиграции снижает возраст детей, имеющих право въезжать вслед за своими родителями, до 12 лет, допуская при этом целый ряд исключений из этого общего правила.

высококвалифицированных мигрантов для обеспечения успеха таких секторов, как IT и медицина.

- *Неофициальные или нелегальные мигранты* – это те, кто стремится избежать любых соприкосновений с государством¹⁰. Новые иммиграционные страны – Португалия, Испания и Италия – пытаются реагировать на нелегальную иммиграцию, делая статус нелегала правовым. Такие попытки легализировать нелегалов в значительной мере провалились, т.к. приобретение легального статуса часто связано с потерей преимуществ, существующих у этой категории мигрантов на рынке труда (Santel 1995). Германия, в отличие от вышеуказанных стран, никогда не пыталась регулировать нелегальную миграцию, но стремилась ее предотвращать. Особое внимание уделяется здесь строгому пограничному контролю и мерам по принуждению нелегальных мигрантов вернуться в те страны, откуда они прибыли.

Краткий обзор различных категорий мигрантов показывает, какие усилия прилагают национальные социальные государства для поддержания своей суверенной власти и контроля над доступом к правам и территории. Именно эти попытки контроля и породили различия в правовых статусах мигрантов и их социальных правах. Можно утверждать, что принадлежность к той или иной категории мигрантов – это не качество самих мигрантов, а результат способов, которыми государство дифференцирует их и приписывает им статусы¹¹.

IV

Опираясь на выделенные способы, которыми государство дифференцирует мигрантов и определяет возможности их социального участия, следует структурировать эмпирические феномены, которые мы наблюдаем в послевоенной миграции.

Политические программы, направленные на интеграцию легальных мигрантов, с начала 1990-х гг. значительно сократились. Но попытки регулировать доступ легально проживающих иностранцев к социальному участию сохранились в виде ограничения возможности получить статус постоянного жителя. Сохранилось в политике и представление о непреходящей ценности интеграционных программ, которое плохо вписывается в контекст сокращающихся возможностей государства.

В политических усилиях дифференцировать группы мигрантов и включить часть легально проживающих иностранцев в программы социальной поддержки есть и иная сторона. В современном мире растет число социальных групп, образ жизни которых предполагает периодически повторяющиеся международные миграции или включенность в социальный контекст таких миграций, увеличивается число соответствующих этим процессам организационных форм и видов государственного вмешательства. Это означает, что в наши дни нецелесообразно описывать миграцию как «переезд на длительный срок в другое [национальное] общество или регион отдельных индивидов или групп» (Treibel 1990: 21), как утверждают стандартные немецкие учебники по социологии миграции. Национальное государство, по-видимому, утрачивает некоторые элементы своей центральной позиции в структуре деятельности и ориентаций существенного числа мигрантов. Для иллюстрации этого тезиса мы можем вернуться к описанным выше категориям мигрантов.

- В силу предполагаемой принадлежности *этнических немцев* к германской нации они вплоть до 1990 г. рассматривались государственными социальными программами как граждане, прожившие всю жизнь на территории государства. Они интерпретировались как часть «немецкого народа», что делало их невидимой социальной группой (Vommes 2000). Несмотря на то, что программы по интеграции этнических немцев были урезаны, а доступ к статусу ограничен, оказавшиеся в Германии этнические немцы все еще считаются принадлежащими к немецкому народу, а их «социальная интеграция» рассматривается как государственный долг. Национальное государство остается структурой, определяющей этот тип миграции, однако его

¹⁰ Стоит отметить, что в этой сфере используется различная терминология: «мигранты без документов» – «неофициальные мигранты» (этому термину отдают предпочтение по причинам политической корректности) и «нелегальные мигранты» – это понятия, отражающие разные социальные аспекты этого типа миграции. Подчеркивание статуса, не подтвержденного документами, указывает на степень, в которой возможность наблюдать и анализировать миграцию все еще методологически зависит от государства и его способности ее контролировать и документировать (через статистическую отчетность). Слово «нелегальность» акцентирует внимание на том, что эти мигранты вынуждены более или менее избегать ситуаций, провоцирующих проверку легальности их статуса. По этим причинам они лишь в ограниченных масштабах пользуются своими правами и избегают социальных конфликтов, что наиболее очевидно в случае с международной проституцией.

¹¹ Мигранты вынуждены принимать эти категории во внимание. Они должны решать, как они будут представлять себя: например, как беженцев или членов семей иммигрантов. Многие мигранты проходят через несколько различных статусов.

роль изменилась. С появлением свободы передвижения в государствах бывшего Советского Союза сформировалась миграционная сеть, организующая миграцию как в Германию, так и обратно. Миграцию оплели формальные и неформальные организации, предоставляющие желающим услуги по увеличению их шансов на выезд. Школы, обучающие потенциальных мигрантов немецкому языку, правовые консультации основаны как в странах выезда, так и в Германии. Процесс возникновения сетей как коммерческой, так и частной поддержки миграции можно интерпретировать как переходный феномен, но он может привести и к формированию более устойчивой международной социальной структуры между мигрантами в Германии и их «партнерами» в странах исхода.

- *Миграция на основании семейных связей* стала наиболее важным миграционным потоком в большинстве европейских стран. Она укрепила прочные миграционные связи между регионом исхода и вновь обживаемым регионом. Эта «воссоединение семей» и последующая цепная миграция являются главными составляющими процесса кристаллизации международных сетей и сообществ мигрантов¹². Возникающие структуры приобретают самодостаточный характер. «Транснационализм» такого рода явно не предполагает, что национальное государство перестает играть какую-либо роль. Наоборот, мигранты (но не только они) ориентируют себя и свою жизнь на структуры социального включения, предлагаемые как организациями и сетями, возникающими вокруг миграционных структур, так и социальным государством. Транснациональные формы социального включения, возникающие в результате такой миграции, с одной стороны, открывают пути для неофициальных и нелегальных мигрантов, с другой, формируют спектр новых возможностей для других категорий мигрантов (Müller-Mahn 2000). Транснациональные организации, сети и узы лояльности, основанные на этничности, открывают шансы, которые являются альтернативными социальному государству и находятся «вне» его. Они в определенной степени компенсируют ограниченность социальных прав мигрантов. Таким образом, для мигрантов, участвующих в таких транснациональных отношениях, структура национального социального государства теряет часть своей значимости. Государство, однако, продолжает использоваться в качестве «помощника в интеграции».
- Выше уже было показано, что правовые возможности статуса *беженца* ограничены. В результате этот тип миграции, порожденной гражданскими войнами, этническими чистками и политическими репрессиями, зависит от доступности сетей поддержки, организованных вокруг семьи, этнических и региональных уз (как в случае боснийцев, хорватов, сербов, албанцев и курдов). Ограничения и двусмысленный правовой статус направляют этих мигрантов за помощью в международные негосударственные организации, которые предоставляют им доступ к деньгам, работе, средствам передвижения, правовой защите, здравоохранению и даже политике.
- Социальное государство позволяет *иностранному рабочим* конкурировать на рынке труда на основании их временного миграционного статуса, как в случае с контрактными и сезонными работниками. Это приводит к тому, что работодатели используют сконструированные различия между временной (сезонной, контрактной) и постоянной рабочей силой. Контрактная трудовая миграция формирует контекст для новых типов сетей, обеспечивающих краткосрочную, маятниковую трудовую и торговую миграцию (Morawska 1998).
- Численность *нелегальных или неофициальных мигрантов* оценить трудно, но этот тип миграции может рассматриваться как обратная сторона попыток иммиграционного контроля, предпринимаемых национальными социальными государствами. Нелегальная миграция принимает разные формы (например, нахождение на территории без вида на жительство или нелегальный въезд на территорию страны), но в любом случае она делает видимой роль национального социального государства в формировании фильтров доступа мигрантов к различным социальным сферам. Государственные организации зачастую пытаются не допустить включение неграждан даже в те области, спрос на доступ к которым со стороны граждан очень низок, например при найме на рабочие места, требующие неквалифицированной рабочей силы¹³. Представляется, что главной целью контроля и исключения мигрантов является стремление социального государства поддерживать стандарты социального включения и

¹² См. Glick Schiller / Basch / Blanc-Szanton 1995, Levitt 1998a, 1998b, Müller-Mahn 2000, Pries 2000. Блестящее кейс-стади, проведенное Müller-Mahn, демонстрирует возникновение карьерных структур для людей, мигрирующих между египетской деревней и Парижем.

¹³ Частично в силу того, что граждане могут это себе позволить, частично потому, что им не дозволяется использовать эти возможности, предполагающие нарушение требований социального государства относительно продолжительности рабочего времени, минимальной заработной платы или социального страхования. В то же время мы видим, как государство сталкивается с давлением в пользу легализации этого типа миграции в силу растущего спроса, например, на персонал, ухаживающий за престарелыми людьми.

гарантировать, что они не будут подорваны нерегулируемой иммиграцией. Однако ответом на такие действия государства является формирование нелегальных миграционных сетей, поддерживающих, например, торговлю людьми и их нелегальный провоз через границу (Kyle 1998). Можно сказать, что социальные государства, в определенном смысле, создают условия для возникновения таких структур. Нелегальные иммигранты социально изолированы отнюдь не полностью. Их жизнь не проходит вне членства в организациях. Однако их социальное участие более или менее скрыто от попыток государства наблюдать и контролировать население. Нелегальная занятость развивается в различных областях производства и сферы услуг. В сохранении этой занятости заинтересованы не только работодатели или частные домохозяйства, для которых использование «нелегалов» оказывается экономически выгодным, но и широкие слои самих мигрантов, поскольку нелегальность обеспечивает им шансы на социальное включение. Преимущество «нелегальных мигрантов» на рынке труда состоит именно в их нелегальности и способности обходить предписания социального государства. Ни нелегальные мигранты в своих попытках получать доходы, ни работодатели и частные домохозяйства, нанимающие их с целью минимизации расходов на оплату труда, не ориентируются в своих действиях на поддерживаемые государством стандарты равного распределения.

Таким образом, примеры возникновения миграционных сетей при этнической, семейной, контрактной и нелегальной миграциях показывают, что социальное государство теряет свое центральное значение двояким образом. С одной стороны, различные группы мигрантов в своих усилиях добиться социального включения в общество все меньше ориентируются на государственные программы «интеграции». С другой стороны, широкие слои мигрантов исключаются из таких программ самим государством.

V

Широкому кругу мигрантов социальное государство предлагает малопривлекательные жизненные альтернативы. Поэтому формирующиеся в результате миграции социальные структуры приводят к тому, что все увеличивающаяся часть населения на территории государства не стремится стать гражданами. Из этого не следует, что государство не нужно мигрантам. Оно сохраняет значимость в нескольких отношениях, но не в классическом целостном смысле, как институт, определяющий социальную принадлежность индивидов, конституирующий «народ», «нацию». Каковы при таких условиях механизмы, регулирующие в национальных социальных государствах принадлежность к «своим» и «чужим»? Мы лучше поймем логику функционирования этих процессов, если будем рассматривать их не просто как феномен, связанный с «внешней» миграцией, но как элемент разворачивающегося процесса перестройки внутренних отношений между государствами и их населением в целом.

Современные государства сталкиваются с вызовами разного рода. Один из них выражается в том, что они должны суметь сохранить свой суверенитет – контроль над доступом к территории и правам – и при этом соответствовать требованиям глобализации. Социальные процессы в области экономики, права, образования, науки, здравоохранения, спорта и семьи больше не ограничиваются территориями отдельных государств. Это видно и на примере произошедшего в результате международной миграции размывания деления человечества на «народы» и «нации», проживающие на определенной, «своей», территории. Социальное государство, обещающее равенство на своей территории и поддерживающее порог неравенства по отношению тем, кто проживает не на «своей» территории, должно в этих условиях по-новому определять круг тех, кто достоин включения. То есть международная миграция имеет отношение не просто к успешному преодолению мигрантами политически институционализированных порогов неравенства. Она является также частью внутреннего процесса перестройки отношений неравенства внутри социальных государств. Этот процесс затрагивает определяющую адресатов государственного действия политическую семантику и влияет на дифференциацию групп, включенных в господдержку и исключенных из нее. Рассмотрим этот процесс изменения взаимоотношений между индивидами и государством подробнее.

Важной формой реакции на глобализацию стала дифференциация поддержки, оказываемой государством разным группам¹⁴. С одной стороны, социальное государство оказывает помощь по случаю болезни, инвалидности и старости наиболее конкурентоспособным сегментам населения, одновременно стремясь защитить или повысить их уровень жизни с помощью программ социального страхования и/или снижения налогов. С другой стороны, оно ограничивает доступ недостаточно конкурентоспособных сегментов населения к программам социального страхования, увеличивая процент индивидуальных

¹⁴ Организационная структура и способы оказания социальной помощи государствами Европы варьируются, но для всех характерна общая тенденция, рассматриваемая в этом тексте.

взносов за медицинское и прочее обслуживание. В результате как раз слабые социальные группы оказываются не готовыми страховать себя и своих родственников от различных социальных рисков и скорее, чем конкурентоспособные сегменты населения, выпадают из системы государственной поддержки. Тогда их социальное обеспечение сводится к разным типам минимальных гарантий помощи и медицинского обслуживания, сопровождаемым постоянными проверками со стороны социальных служб и мерами «активного трудоустройства», ориентирующими индивидов на рабочие места, предполагающие менее квалифицированный труд и низкую оплату. Таким образом, предоставление государством минимальной социальной помощи не помогает социально слабым группам повысить свои шансы на социальное включение, а наоборот, выталкивает их на самые малопривлекательные позиции на рынке труда и уравнивает их с легальными и нелегальными мигрантами, традиционно занимавшими эти позиции.

Итак, мигранты – это не единственная слабая группа на рынке труда. Более того, не все мигранты являются социально незащищенными и исключенными. Одним из следствий внутренней дифференциации социальной поддержки является то, что может быть названо раздвоением государственной социальной политики. Конкурентоспособные и успешные группы, представленные на рынке труда, фактически являются активными участниками политики (Hirschman 1970). Они же являются и главными адресатами социального государства, своего рода ядром населения, чья лояльность определяет ориентацию государственной политики. Это ядро все реже определяется в национальных терминах. Оно включает и успешных мигрантов. Главным критерием доступа к этому сообществу законных получателей социальной поддержки и защиты является индивидуальная успешность и регулярная оплата взносов по социальному страхованию.

Одновременно производятся на свет группы населения с довольно слабой позицией в социальном государстве. Они получают минимальную социальную поддержку и защиту в обмен на подчинение и пассивную политическую лояльность. Это население составляют лица различного гражданства и происхождения. Принадлежность мигрантов к ядру или периферии (исключенным) в значительной мере зависит от их истории иммиграции и/или их правового статуса. Миграция сама по себе больше не предполагает неизбежно растущего социального исключения. Другими словами, в настоящее время европейские социальные государства фокусируют внимание на «социальной интеграции», опосредованной рынком, а не происхождением. Центральной считается способность индивидов к интеграции на рынке труда, а не их культура, язык и традиция¹⁵.

Реструктуризация адресатов государственной социальной политики сопровождается *изменениями в политической семантике*. С ними связана главная модификация в отношениях между государством и населением. Современные социальные государства больше не обещают полного социального включения граждан. Они отказались от своей классической предпосылки, в соответствии с которой полное членство в национальном сообществе обеспечивает равноправный доступ к социальному участию.

Ядро населения (включенные) больше не формируется в рамках эмоционального, идеологического понятия «народ». Оно во все большей мере определяется конкурентоспособностью и успешностью индивидов. Включенные формируют десакрализованное сообщество, которое ожидает от политики минимальную компенсацию индивидуальных и коллективных рисков и гарантию достойного уровня жизни для достойных граждан. Это сообщество опирается не на закрытые границы и нации. Теперь границы и идеологические понятия типа «нация» используются не для слепого исключения «чужих», а в качестве фильтров доступа и участия в сообществе достойных и состоятельных. Возникают новые основания солидарности, которые делают границы проходимыми, а принадлежность – доступной для тех, кто соответствует ожиданиям конкурентоспособности и успеха. Из таких достойных и успешных формируется политический центр. Семантика национальной солидарности утратила для этой части населения свой смысл и ценность. Однако отношение «достойных» к государству по-прежнему основывается на классическом обмене отношений лояльности индивидов на государственную поддержку и охрану.

Остальное население состоит в основном не из «иностранцев», а из «не добившихся успеха», тех, кто не в состоянии стать частью ядра, т.е. тех, кто не преуспел в достижении высокого уровня жизни и чьи политические возможности реально ограничены. Этот сегмент населения играет в политике маргинальную роль. О слабых и бедных говорится на языке социальных проблем. Государство по-прежнему обещает им предоставлять ресурсы для удовлетворения минимальных потребностей. Традиционная программа национального социального государства (обеспечение равенства членов национального сообщества)

¹⁵ Мы можем видеть, что недавние изменения «программ интеграции» в таких странах, как Нидерланды и Швеция (Entzinger 1998, Thränhardt 2000, Ring 1998), связаны со сдвигом их направленности в сторону индивидуализации ответственности за интеграцию. От мигрантов ожидается приобретение навыков, позволяющих совладать с требованиями рынка труда. Недавний закон об иммиграции в Германии связан с аналогичными программными интенциями к усилению индивидуальной «ответственности» мигрантов посредством программ языковой и социальной подготовки.

изменила свое название. «Государству иногда еще не все равно» – вот лозунг новой социальной политики для слабых.

Мультикультуралисты и транснационалисты до сих пор утверждали, что международная миграция показывает историческую несостоятельность политического проекта национального социального государства. Государство рассматривалось как система механизмов, разделяющих на основании происхождения «своих» и «чужих», обеспечивающих «своим» социальное равноправие и в то же время исключают чужих. Кажется, такое определение государства больше неверно. Размылось не только различие между классическим сообществом граждан и мигрантами разного рода. Сами понятия *нации, народа, населения* потеряли свой базовый характер и стали лишь инструментами селекции лучших. Это изменение нужно понимать как один из элементов разворачивающегося процесса реконструкции структуры современных государств.

Принадлежность мигрантов как к ядру, так и к периферии общества и их различная степень включения в системы государственной поддержки указывают на две вещи: ограниченные возможности социального государства контролировать доступ к социальному участию и изменение принципа политического включения индивидов в национальное сообщество. Вопросы политического включения отделились от примордиальных понятий «принадлежности» и стали вопросами способности «интеграции в общество» в рамках социального государства. Обратная сторона этого процесса – утрата суверенитета национального государства. В европейских социальных государствах будущего скорее всего больше не возникнут такие универсалистские программы, как полная гражданская, политическая и социальная интеграция всех граждан. Социальные государства разделяют теперь граждан на «достойных» и «недостойных» и тем самым допускают социальное неравенство. Поэтому и альтернативой классическому требованию социальной интеграции мигрантов, господствовавшему в 1960–70-е гг., является теперь особый акцент государства на индивидуальной ответственности и конкурентоспособности. Интеграция больше не рассматривается как превращение мигрантов в граждан национального государства в широком смысле этого слова¹⁶.

Процессы культурной плюрализации, возникновение транснациональных социальных структур и увеличение этнической дифференцированности населения интерпретировались мультикультурализмом и транснационализмом как вызов национальным социальным государствам Европы. Однако их сторонники просмотрели тот факт, что политическая семантика нации и соответствующие ей программы культурной гомогенизации (конечно, в каждой стране в разной мере) утратили существенную часть прежнего смысла. Коллективные формы идентичности обесценились. Государственные формы социальной поддержки превратились в нейтральные инструменты повышения благосостояния сильных, а не производства равенства. Допуск к социальным программам и услугам зависит от прав, которые индивиды приобрели в процессе своей трудовой карьеры. Государство перестало основываться на идее солидарности членов национального сообщества граждан.

Теперь становится очевиден иной смысл плюрализации коллективных форм идентичности. Политическое обесценивание семантики национального сообщества и соответствующих аспектов социальной политики на уровне государства сопровождалось возникновением так называемых новых идентичностей, выходящих за рамки государства и его границ. Такие идентичности могут артикулироваться в этнических, региональных или локальных категориях. И в этом, может быть, одно из значений процессов, обсуждавшихся под такими названиями, как «мультикультурное общество» и «транснационализм». Возникновение этнических идентичностей больше не структурируется отношением этнических групп к национальным социальным государствам. Этническая идентичность организует лояльность и шансы доступа к ресурсам, которые уже в меньшей мере связаны с государством. Этнические, мультикультурные и транснациональные *milieus* в определенной мере позволяют государству отходить от политического проекта интеграции населения своей территории по национальному принципу. Мультикультурализм требовал, чтобы различные культуры и идентичности были приняты в «мультикультурное общество». В настоящее время это требование может использоваться как ироничное описание руин, сохранившихся от примордиальных оснований национальной солидарности в государствах, перестраивающих свое отношение к населению.

¹⁶ Может показаться, что усилия, предпринимаемые в Скандинавии и Великобритании, идут в противоположном направлении, т.к. там было сформулировано требование: мигранты должны впитать в себя ценности «западной культуры». Однако при более близком рассмотрении вопроса обнаруживается, что обычно ожидается не более чем принятие правил гражданского общежития. Подразумевается, что мигранты будут соглашаться с системой социальных различий западных обществ, что сильно отличается от классической программы ассимиляции европейских национальных государств, создающих национальные сообщества. В этом смысле они стали «постнациональными» (см. также Therborn 1995).

Заключение

Формула «интеграция в общество» определяла ядро политической семантики национального социального государства. В послевоенный период это государство было суверенным в той мере, в которой национальная государственная семантика казалась убедительной. «Мультикультурный подход» к миграции поддерживает эту семантику, несмотря на то, он признает продолжающийся процесс культурной плюрализации, который заставляет скорректировать тезис о том, что национальная гомогенность должна выступать в качестве политической цели. «Транснационализм», конечно, в определенной мере реагирует на новые тенденции в миграции. Но и он остается верен центральной концепции национального государства. Альтернативная концепция современного общества, которая концептуализирует его как функционально дифференцированное мировое общество (Luhmann 1997), позволяет нам интерпретировать транснациональные сети и сообщества, порождаемые миграцией, как часть процессов глобализации. Современное национальное социальное государство (утвердившаяся во всем мире форма политической организации современного общества) оказывается институтом со специфическими условиями функционирования и специфическими пределами вмешательства в дела «общества». Уменьшающаяся способность к вмешательству проявляется в отказе от обещания обеспечить гражданам социальное включение. Это не означает, что без (пост)национального социального государства уже можно обойтись. Как минимум, оно остается центральной инстанцией, обеспечивающей безопасность. Однако, как представляется, политическое включение и обеспечение социальной защиты все меньше может опираться на процесс конструирования национальных сообществ граждан. Международная миграция останется одной из важных предпосылок «деконструирования» нации. Она продолжает быть элементом разворачивающегося в Европе процесса изменения отношений между государством и его населением.

Библиография

- ☑ **Alber J.** Sozialstaat und Arbeitsmarkt: Produzieren kontinentaleuropäische Wohlfahrtsstaaten typische Beschäftigungsmuster? – Gleichzeitig eine Abhandlung über einige Probleme komparativer statistischer Analyse // Leviathan. 2000. Vol. 28. 4. P. 535–569.
- ☑ **Bade K.J.** (ed.). Die multikulturelle Herausforderung: Menschen über Grenzen – Grenzen über Menschen. München, 1996a.
- ☑ **Bade K.J.** (ed.) Migration – Ethnizität – Konflikt. Systemfragen und Fallstudien. Osnabrück, 1996b.
- ☑ **Bade K.J., Bommers M.** Migration – Ethnizität – Konflikt. Erkenntnisprobleme und Beschreibungsnotstände: eine Einführung // Bade 1996b. P. 11–40.
- ☑ **Bank R.** (1998): Europeanisation of the Reception of Asylum Seekers: the Opposite of Welfare State Politics // Bommers, Geddes (2000), p. 148–169.
- ☑ **Bommers M.** Migration and Ethnicity in the National Welfare State // Martiniello M. (ed.). Migration, Citizenship and National Identities in the European Union. Aldershot, Avebury, 1995. P. 120–143.
- ☑ **Bommers M.** Von «Gastarbeitern» zu Einwanderern: Arbeitsmigration in Niedersachsen // Bade Klaus J. (Hg.). Fremde im Land: Zuwanderung und Eingliederung im Raum Niedersachsen seit dem Zweiten Weltkrieg. Osnabrück, 1997. P. 249–322.
- ☑ **Bommers M.** Migration und nationaler Wohlfahrtsstaat. Ein systemtheoretischer Entwurf. Wiesbaden, 1999.
- ☑ **Bommers M.** National Welfare State, Biography and the Impact of Migration – Labour Migrants, Ethnic Germans and the Re-Ascription of Welfare State Membership // Bommers, Geddes 2000. P. 90–108.
- ☑ **Bommers M.** Organisation, Inklusion und Verteilung. Soziale Ungleichheit in der funktional differenzierten Gesellschaft // Tacke Veronika (Hg.): Organisation und moderne Gesellschaft. Wiesbaden, 2001. P. 236–258.
- ☑ **Bommers M.** Migration, Raum und Netzwerke. Über den Bedarf einer gesellschaftstheoretischen Einbettung der transnationalen Migrationsforschung // Oltmer Jochen (ed.), Migrationsforschung und Interkulturelle Studien. Osnabrück, 2002. P. 91–105.
- ☑ **Bommers M., Geddes A.** (eds.). Welfare and Immigration: Challenging the Borders of the Welfare State. London, 2000.
- ☑ **Bommers M., Halfmann J.** (eds.). Migration in nationalen Wohlfahrtsstaaten. Theoretische und vergleichende Untersuchungen. Osnabrück, 1998.
- ☑ **Bommers M., Tacke V.** Arbeit als Inklusionsmedium moderner Organisationen. Eine differenzierungstheoretische Perspektive // Tacke Veronika (Hg.). Organisation und moderne Gesellschaft. Wiesbaden, 2001. P. 61–83.
- ☑ **Brubaker R.** Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass, 1992.
- ☑ **Castles S.** (1996a): Immigration and Multiculturalism in Australia // Bade 1996b. P. 249–270.
- ☑ **Castles S.** Einwanderung und Sozialpolitik in Australien // Bommers, Halfmann 1998. P. 171–197.
- ☑ **Eichenhofer E.** Arbeitsbedingungen bei Entsendung von Arbeitnehmern // Zeitschrift für ausländisches und internationales Sozialrecht. 1996. Vol. 10. P. 55–82.
- ☑ **Eichenhofer E.** (ed.). Social Security of Migrants in the European Union of Tomorrow. Osnabrück, 1997.

- ☑ **Entzinger H.** Zu einem Modell der Inkorporation von Einwanderern: das Beispiel der Niederlande // *Bommes, Halfmann* 1998. P. 105-122.
- ☑ **Esping-Andersen G.** *The Three Worlds of Welfare Capitalism.* Cambridge, 1990.
- ☑ **Esping-Andersen G.** (ed.). *Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies.* London, Thousand Oaks, New Delhi, 1996a.
- ☑ **Faist T.** *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces.* Oxford, 2000.
- ☑ **Favell A.** The 'Integration' of Immigrants in Western Europe: Contours and Constraints of a Research Paradigm // *Bommes Michael, Morawska Ewa* (eds.). *Reflections on Migration Research: Constructions, Omissions, and Promises of Interdisciplinarity.* London, 2002 (forthcoming).
- ☑ **Ferrera M.** The „Southern Model“ of Welfare in Social Europe // *Journal of European Social Policy.* 1996. 6. P. 17-37.
- ☑ **Fligstein Neil** Verursacht Globalisierung die Krise des Wohlfahrtsstaates? // *Berliner Journal für Soziologie.* 2000. Vol. 10, 3. P. 349-378.
- ☑ **Ganßmann H., Haas M.** *Arbeitsmärkte im Vergleich. Rigidität und Flexibilität auf den Arbeitsmärkten der USA, Japans und der Bundesrepublik Deutschland.* Marburg: Schüren, 1999.
- ☑ **Geißler R.** *Die Sozialstruktur Deutschlands.* Opladen, 1996.
- ☑ **Gellner E.** *Nations and Nationalism.* Oxford, 1988.
- ☑ **Glick S.N., Basch L., Blanc-Szanton C.** From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly.* 1995. Vol. 68. S. 48-63.
- ☑ **Goodin R.E., Headey B., Muffels R., Dirven H.-J.** *The Real Worlds of Welfare Capitalism,* Cambridge, 1999.
- ☑ **Hammar T.** State, Nation and Dual Citizenship // *Brubaker Rogers* (ed.). *Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America.* Lanham, London, 1989. P. 81-95.
- ☑ **Hammar T.** *Democracy and the Nation State. Aliens, Denizens and Citizens in a World of International Migration.* Aldershot, 1994.
- ☑ **Hannerz U.** *Transnational Connections: Culture, People, Places.* New York, 1996.
- ☑ **Hirschman A.O.** *Exit, Voice and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations and States.* Cambridge, Mass, 1970.
- ☑ **Hönekopp E.** The New Labour Migration as an Instrument of German Foreign Policy // *Münz Reiner, Weiner Myron* (Hg.). *Migrants, Refugees, and Foreign Policy.* Providence, Oxford, 1997. P. 165-181.
- ☑ **Hoffmann-Nowotny H.-J.** Soziologische Aspekte der Multikulturalität // *Bade* 1996b. P. 103-126.
- ☑ **Hollifield J.F.** *Immigrants, Markets and States: The Political Economy of Postwar Europe.* Cambridge, Mass., 1992.
- ☑ **Joppke C.** Asylum and State Sovereignty. A Comparison of the United States, Germany, and Britain // *Comparative Political Studies.* 1997. 30. Jg., S. 259-298.
- ☑ **Joppke C.** Multicultural Citizenship: A Critique // *Archives européennes de sociologie.* 2001. 42. P. 431-447.
- ☑ **Koselleck R.** Volk, Nation. Einleitung // *Brunner Otto, Conze Werner, Koselleck Reinhart* (ed.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland.* Bd. 7. Stuttgart, 1992. P. 142-149.
- ☑ **Kyle D.** *Transparent Economies and Invisible Workers: Human Smuggling under Global Economic Liberalism.* Europäisches Hochschulinstitut, Conference Paper MIG / 60, Florenz, 1998.
- ☑ **Kymlicka W.** *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights.* Oxford, 1995.
- ☑ **Leggewie C.** *Multi Kulti - Spielregeln für die Vielvölkerrepublik.* Berlin, 1990.
- ☑ **Levitt P.** Forms of Transnational Community and their Implications for Immigrant Incorporation: Preliminary Findings. Europäisches Hochschulinstitut, Conference Paper MIG/ 35, Florenz, 1998a.
- ☑ **Levitt P.** Local Level Global Religion: The Case of U.S.-Dominican Migration, in: *Journal for the Scientific Study of Religion.* Vol. 37. 1998b. S. 74-89.
- ☑ **Luhmann N.** Individuum, Individualität, Individualismus // *Niklas Luhmann: Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft.* 1989. Vol. 3. P. 149-258.
- ☑ **Luhmann N.** *Die Gesellschaft der Gesellschaft.* Frankfurt a.M., 1997.
- ☑ **Marshall T.H.** *Citizenship and Social Class - and Other Essays.* Cambridge, 1950.
- ☑ **Morawska E.** Structuring Migration in a Historical Perspective: The Case of Travelling East Europeans. Europäisches Hochschulinstitut, Working Papers EUF. No. 98, 3, Florenz, 1998.
- ☑ **Müller-Mahn D.** Ein ägyptisches Dorf in Paris. Eine empirische Studie zur Süd-Nord-Migration am Beispiel ägyptischer "Sans-papiers" in Frankreich // *IMIS-Beiträge.* 2000. H. 15. P. 79-110.
- ☑ **Nassehi A.** Das stahlharte Gehäuse der Zugehörigkeit. Unschärfen im Diskurs um die ‚multikulturelle Gesellschaft‘ // *Nassehi Armin* (ed.). *Nation, Ethnie, Minderheit. Beiträge zur Aktualität ethnischer Konflikte.* Köln, Weimar, Wien, 1997. P. 177-208.
- ☑ **Opitz P.J.** (ed.). *Der globale Marsch. Flucht und Migration als Weltproblem.* München, 1997.
- ☑ **Portes A.** (ed.). *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship.* New York, 1995.
- ☑ **Portes A.** Transnational Communities: Their Emergence and Significance in the Contemporary World-System // *Korzniowicz Roberto Patricio and Smith William C.* (eds.). *Latin America in the World Economy.* Westport, Connecticut: Greenwood, 1996.
- ☑ **Pries L.** (ed.). *Transnationale Migration. Soziale Welt, Sonderband 12.* Baden Baden, 1997.

- ☑ Pries L. Transnationalisierung der Migrationsforschung und Entnationalisierung der Migrationspolitik. Das Entstehen transnationaler Sozialräume durch Arbeitswanderung am Beispiel Mexiko – USA // Michael Bommes (Hg.). Transnationalismus und Kulturvergleich. IMIS-Beiträge 15, 2000. P. 55-77.
- ☑ Pries L. The Disruption of Social and Geographic Space. Mexican-US Migration and the Emergence of Transnational Social Spaces // International Sociology. 2001. Vol. 16, S. 55-74.
- ☑ Radtke F.-O. Multikulti: Das Gesellschaftsdesign der 90er Jahre? // Informationsdienst zur Ausländerarbeit, 1990, H. 4. P. 27-34.
- ☑ Ring H. Einwanderungspolitik im schwedischen Wohlfahrtsstaat // Bommes, Halfmann 1998. P. 239-249.
- ☑ Santel B. Migration in und nach Europa. Erfahrungen, Strukturen, Politik. Opladen, 1995.
- ☑ Santel B., Hollifield J.F. Erfolgreiche Integrationsmodelle? Zur wirtschaftlichen Situation von Einwanderern in Deutschland und den USA // Bommes, Halfmann 1998. P. 123-145.
- ☑ Santel B., Hunger U. Gespaltener Sozialstaat, gespaltener Arbeitsmarkt. Die Etablierung postwohlfahrtsstaatlicher Einwanderungspolitiken in Deutschland und den Vereinigten Staaten // Soziale Welt. 1997. Vol. 48. P. 379-396.
- ☑ Soysal Y. Limits of Citizenship. Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago, Illinois, 1994.
- ☑ Stichweh R. Migration, nationale Wohlfahrtsstaaten und die Entstehung der Weltgesellschaft // Bommes/ Halfmann 1998, p. 49-61
- ☑ Swaan A. de. In Care of the State. Cambridge, 1988.
- ☑ Taylor C. Multikulturalismus und die Politik der Anerkennung. Frankfurt a.M., 1993.
- ☑ Therborn G. European Modernity and Beyond: the Trajectory of European Societies, 1945 – 2000. London etc., 1995.
- ☑ Thranhardt D. **Multiculturalism and Integration in Germany and the Netherlands** // **Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies** 2. 2000. No. 1. S. 43-69.
- ☑ Treibel A. Migration in modernen Gesellschaften. Weinheim, München, 1990.
- ☑ Vertovec S., Cohen R. (Hrsg.). Migration, Diasporas and Transnationalism. Cheltenham, Northampton, MA, 1999.

Перевод с англ. В.Ильина